

ИМПЕРИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (на примере одного издания)*

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

Обозначенная в заглавии проблема содержит в себе *contradictio in adjecto* и выявляет один из тех факторов, которые в конечном итоге и приводят к распаду империй: национальное строительство, национальные движения, стремящиеся к торжеству этничности и этнизации территорий, противоречат природе империи как многонационального государства и угрожают ее целостности¹.

В Российской империи проживало более 100 наций и народностей, что традиционно воспринималось властью положительно — как предмет гордости, как своеобразное украшение короны, и такой взгляд внушался и подданным. Члены царской семьи увлекались коллекционированием этнографических материалов. Николай II основал Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, из которого позднее вырос самостоятельный Этнографический музей. Царь на свои средства выкупил для музея ценные коллекции, он сам и другие Романовы передали музею свои собрания. Этнография страны развивалась достаточно активно, издавалось и большое количество популярной литературы (очень разного качества и достоинства): например, серии брошюр «Народы России» или «Где на Руси какой народ живет и чем промыш-

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 «Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе».

¹ Тем не менее, история Российской империи двигалась именно в таком направлении, поэтому развитию национальных нарративов уделяется все больше внимания при изучении «имперского измерения истории России» [Миллер 2008: 6].

ляет»², а также 12-томная «Живописная Россия — Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», выходящая с 1881 по 1901 гг. под редакцией П. П. Семенова — будущего Тянь-Шанского. Эти книги были призваны показать читающей России, сколь велика и разнообразна страна, в которой они живут.

Однако с точки зрения имперской власти все это, по-своему культивировавшееся, богатство и разнообразие этносов безальтернативно объединялось в единое тело — единую и неделимую Россию, Отечество, которое могло расширяться, прирастать землями и народами, но не могло уменьшаться. Самодержавие всегда было центром российской имперской идеологии, а лояльность короне всегда была основным требованием власти к подданным — как к отдельным личностям, так и к нациям. Все общественные силы и движения расценивались (чем дальше, тем больше) с этой точки зрения. Таким образом, до тех пор, пока вопрос о взаимодействии с властью был актуальным, необходимо было с этим считаться.

Отношение к лояльности у российской власти и у ее подданных с национальных окраин существенно различалось. Власть считала лояльность естественной и неотъемлемой *обязанностью* своих *подданных*, а подданные, напротив, воспринимали ее как своего рода товар, средство для достижения своих целей.

Нас будут интересовать далее Остзейские губернии и, в первую очередь, эстонский «национальный проект» в переломный момент истории — в эпоху Первой мировой войны, в канун распада Российской империи; речь пойдет о своеобразном состязании концепций лояльности, которые каждый участник старался истолковать в свою пользу.

В Остзейских провинциях Российской империи петербургская власть долгое время взаимодействовала только с балтийскими немцами, хозяевами края, лично преданными царской семье. Их особый статус в рамках империи до поры до време-

² Некоторых из этих брошюр в связи с эстонской темой коснулся К. Брюггеманн [Брюггеманн 2006].

ни власти не очень волновал (хотя слабые попытки этот статус ограничить все же предпринимались). Коренные жители, эстонцы и латыши, воспринимались по аналогии с русскими крестьянами — как простой народ, требующий соответствующего обхождения (в основном, дисциплинарных мер в случае неповиновения господам). Однако после образования Германской империи в 1871 г., когда стали раздаваться голоса немецких публицистов о необходимости восточным немецким провинциям, т.е. остзейским, также воссоединиться с исторической родиной, а среди остзейцев стал набирать силу германский национализм, положение приобрело неожиданную остроту. К этому времени национальное пробуждение эстонцев и латышей также стало заметным фактором местной жизни. Правительство даже попыталось использовать этот ресурс в своих интересах, хотя делало это не очень ловко и умело³.

Таким образом, число акторов в отношениях между имперским центром и балтийской периферией к концу XIX в. заметно возросло. В ситуацию включились, кроме центральной власти: 1) русские чиновники, посланные проводить в жизнь правительственную политику, но часто проявлявшие собственную инициативу (см.: [Миллер 2008: 8]); 2) остзейские «германские» националисты (см.: [Андреева; Киверик]); 3) «лояльные» России остзейцы; 4) русские националисты в центре; 5) представители иных, весьма по-разному настроенных общественных кругов России и, соответственно, — печать самых разных направлений⁴; 6) немецкие публицисты в Германии (см.: [Виграб; Laaman 1920]); 7) лидеры национального

³ Было бы невозможно перечислить все труды, где затрагиваются проблемы взаимоотношений имперского центра и остзейской окраины. Упомянем лишь некоторые из них: (см.: [Исаков; Karjahärm-Sirk; Karjahärm 1998; Брюггеманн 2002; Brüggemann]; об интересующем нас периоде см., в частности: [Андреева; Карьяхярм 2002]).

⁴ В названных работах (см. сноски 3) авторы касались также и отношения российской печати к остзейскому вопросу. См. также: [Михайлова].

движения эстонцев⁵ и латышей (разных направлений) и их печать (список можно продолжать и уточнять). Словом, национальные движения среди коренных народов и среди прибалтийских немцев из периферийной внутривосточной коллизии превратились в болезненную внешнеполитическую проблему, в борьбу в сфере политических интересов России и Германии. Каждый участник этого процесса вырабатывал собственную стратегию и менял (или не менял!) ее в зависимости от ситуации.

В обмен на лояльность эстонцы хотели добиться хотя бы минимальных условий для собственного национального строительства: получить культурную автономию, достичь решения земельного вопроса и ликвидации немецких привилегий. Однако своя лояльность была и у балтийских немцев, они трактовали ее как личную и добровольную унию с монархией, а остзейские привилегии рассматривали как *обязанность власти* эту самую лояльность оплачивать. Вопрос состоял в том, чья лояльность перетянет, и тут нужны были «группы поддержки». Балтийские немцы имели большие связи в высших сферах Петербурга. Главным же ресурсом эстонцев была печать.

И тут мы вынуждены в очередной раз подтверждать известное положение Б. Андерсона о том, что «печатный капитализм» создал нацию [Андерсон]. Как известно, создание печати на родном языке сыграло в эстонском национальном строительстве первостепенную роль. Но в общении с центральной властью, в поисках средств и методов воздействия на нее для продвижения своего «проекта лояльности» нужен был

⁵ Т. Карьяхярм пришел к однозначному выводу, что, несмотря на русификаторскую политику российского правительства, общая ориентация вождей эстонской нации в конце XIX – начале XX вв. оставалась антинемецкой и прорусской (см.: [Karjahärm-Sirk: 275–277; Karjahärm 2007: 198–199]). Более того, вплоть до 1917 г. никто из них не отстаивал идеи независимости Эстонии от России. Актуальной оставалась позиция Я. Тыниссона, высказанная им в 1909 г.: эстонцы являются лояльными гражданами и патриотами России [Karjahärm 2007: 195].

выход за пределы своей общины, на большой печатный рынок на русском языке. Только он мог мобилизовать широкую общественную поддержку «эстонскому проекту».

Нас будет интересовать, какие попытки в этом направлении предпринимались и какие применялись дискурсивные практики⁶, т.е. какую версию своей ситуации и какой «автопортрет» пытались предъявить российскому обществу эстонцы и латыши. Этот вопрос пока, насколько нам известно, почти не изучен (привлекались лишь речи в Государственной Думе депутатов от коренных народов Эстляндии и Лифляндии).

Основой конструирования подобного дискурса всегда является *образ врага*. Наш случай не исключение. Из двух противников — местных господ и русской власти — роль главного врага была отдана прибалтийским немцам. То, в какой мере коренные народы прибалтийских губерний ненавидели остзейцев, наглядно продемонстрировали события 1905 г. Однако нужен был момент, когда антинемецкая риторика смогла бы получить широкий резонанс и вызвать сочувствие в разных кругах российского общества (не только в правой печати).

Первая мировая война буквально дала шанс в руки, и национальные деятели им воспользовались. Именно в период «великой войны» с Германией был задуман и издан сборник «Эсты и латыши, их история и быт» [Эсты], опубликованный в Москве в 1916 г., видимо, в конце апреля, т.к. уже 1 мая в петроградской эстонской газете “Pealinna teataja” на него появилась рецензия (см.: [Rets.]). Задумывался сборник гораздо раньше, в самом начале войны. Как сказано о готовящемся издании в тартуской газете “Postimees”: «Идея возникла уже в прошлом <т.е. в 1914> году, была поддержана в Московском обществе эстонских студентов, и осуществление этого дела находится в руках представителей этого общества и латыш-

⁶ Некоторые дискурсивные сценарии выделил К. Брюггеманн, но его интересовал дискурс «русской Прибалтики» в имперское и советское время [Brüggenmann: 85–90].

ской общины» [Kaelas]⁷. Опоздание было связано с денежными трудностями. Автор призывал соотечественников помочь изданию и многозначительно замечал: «Сейчас добытчиками дохода являются только московские эстонцы (через членские взносы). Поскольку денежная поддержка со стороны латышей довольно слаба, то добывание денег ложится на плечи маленькой эстонской общины» [Там же].

То, что идея издания зародилась в диаспоре, вполне закономерно. Те, кто жили в русском окружении, особенно остро чувствовали, как мало знают об Остзейском крае даже в образованном русском обществе:

Например, до войны в России господствовало широко распространенное мнение, будто эстонцы и латыши по своему происхождению находятся в близком кровном родстве с немцами. Нельзя скрыть, что представители коренных прибалтийских народов сами являлись причиной подобных предубеждений. Здесь, в большой России, немецкие бонны, немецкие управляющие, винокуры или землемеры на хорошем счету, а об эстонцах и латышах почти никто ничего хорошего не слышал. Поэтому эстонцам и латышам, которые ищут в России места, очень выгодно признать себя немцами, а если это по той или иной причине невозможно, то объяснить, что эстонцы и латыши — это почти один и тот же народ с немцами [Rets.].

Историки, изучая центры эстонской и латышской культуры в Петербурге и в Москве, до сих пор делали главный упор на том, как сохранялась и развивалась эстонская и латышская культура в условиях инонационального окружения. Это вполне соответствовало основным направлениям деятельности, в частности, «Московского эстонского общества»⁸: изучение

⁷ Здесь и далее цитаты из эстонских статей приводятся в нашем переводе.

⁸ Общество с названием «Московское эстонское общество» было зарегистрировано 31.12.1908 г. (см.: [Московское]), однако сами члены считали временем его основания 1900 г., когда было образовано «Московское эстонское благотворительное общество» (см.: [Устав]). С июля 1915 г. оно располагалось по адресу Чистые Пруды, 17 (эти помещения использовало и «Московское

родного языка, издание газеты, организация школы, церкви, хоров, театра, а также социальная помощь соотечественникам на чужбине. Нам хотелось бы обратить внимание на тот аспект национально-культурного строительства, который далеко не сразу был осознан самой диаспорой как важная *миссия*. Это — *выход за пределы своей общины*, работа по созданию имиджа собственной нации и культуры среди другого народа, в контексте большой империи.

Содержание интересующего нас коллективного труда «Эсты и латыши, их история и быт» недвусмысленно свидетельствует о том, что книга выполняет задачи национального строительства. Делается это последовательно и очень умело. Даже такая, казалось бы, нейтральная статья, как «Прибалтийский край. (Географико-статистический очерк)» Скуенекса (М. Скуиниекса) имела отчетливую направленность — подготовить новое административное деление края (что и последовало через год, уже при Временном правительстве). Автор доказывает нецелесообразность разделения эстонцев и латышей между двумя губерниями, т.к. они «по языку, характеру, нравам и обычаям резко отличаются друг от друга» [Эсты: 274]. Но одновременно Скуиниекс всеми доступными ему статистическими средствами подчеркивает высокий уровень самосознания и культуры этих народов, подтверждая их зрелость, возможность выхода из-под остзейской «опеки»: *поголовная грамотность*⁹, в отличие от остзейцев, где «среди прибалтийского дворянства больше неграмотных, чем среди крестьян» [Там же: 284].

На титуле сборника «Эсты и латыши» обозначена серия: «В Прибалтийском крае», что указывает на замысел издателей продолжать знакомить с «малыми» «коренными» народами

общество эстонских студентов»), его деятельность находилась на подъеме, хотя число членов снизилось со 185 до 138 (см.: [Moskva]).

⁹ Тут автор несколько приукрашивает картину: приведенные им данные свидетельствуют о высоком, но не о 100%-ом уровне грамотности коренных народов [Эсты: 283].

края (оба определения были для авторов концептуальны). Первое должно было указывать на мирный и — косвенно, в контексте эпохи — угнетенный характер этих народов, а второе — с особой силой подчеркнуть основную концепцию сборника: немцы — пришельцы, а эсты и латыши — исконные обитатели этой земли, им, а не остзейцам она и должна принадлежать.

Сборник состоит из 12 статей, но пронизан единством концепции. Она может быть изложена в следующих тезисах:

1. Немцы — главные враги эстонского и латышского народов. Они всегда и во всем руководствовались только своими сословными и материальными интересами.

2. Прибалтийские немцы — совсем не носители и распространители культуры, а бессовестные эксплуататоры.

3. Русское правительство виновно, главным образом, в том, что не только не ограничило привилегий немцев, но даже восстановило те, что были отменены шведами (тут главный виновник — Петр I), и далее всегда шло на поводу у остзейцев: Александр I освободил крестьян, но отобрал землю (из-за того, что проект писали бароны!). Великие реформы Александра II так и не получили в крае должного распространения. Даже русификация Александра III вместо того, чтобы ударить по немцам и положить предел господству немецкого языка, вылилась в обрусение народной школы коренных народов и ограничения на употребление эстонского и латышского языков.

4. Эстонцы и латыши добились больших успехов в развитии своей национальной культуры — не с помощью немцев и русских, а вопреки тем препятствиям, которые чинили и те, и другие (особенно остзейцы!). Показатели высокого уровня: почти поголовная грамотность, развитие национальной журналистики, печатного слова, литературы, театра, а также кооперации, ссудо-сберегательных касс, рождение своей интеллигенции и буржуазии и пр.

5. Коренные народы Прибалтики давно созрели для самостоятельного существования. Русское правительство должно провести давно обещанные реформы, чтобы обеспечить широ-

кую автономию именно коренным народам, освободить их из-под власти остзейцев.

6. Русское общество, которое еще мало осведомлено о действительном положении дел в Прибалтике, должно поддерживать справедливые требования коренных народов и обеспечить им общественную поддержку.

Авторы, чьи работы собраны под одной обложкой усилиями анонимной издательской комиссии¹⁰, были людьми различной политической ориентации, что отразилось на их последующей судьбе. Однако среди авторов сборника могли быть и его инициаторы. Возможно, одним из них был эстонский юрист Пеэтер Руубель (Peeter Johannes Ruubel, 1885–1957), написавший статью «О социально-политических стремлениях эстской интеллигенции»¹¹. Он учился сначала в Тартуском, потом в Московском университете и принимал участие в деятельности как группировки “Noog-Eesti” [Ruubel 1918: 51], так и Московского общества эстонских студентов и Московского эстонского общества. В 1915–1918 гг. он служил в Петрограде, а до этого успел недолго поработать в Эстонии [Ruubel-50]. Он мог быть хорошим связующим звеном между разными городами и деятелями. В период образования самостоятельного эстонского государства Руубель был одним из разработчиков закона об автономии, а затем — конституции Эстонской Республики. Зато другой юрист — редактор сборника и автор программной статьи Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928), ученик А. Л. Блока, — стал потом одним из авторов первой конституции РСФСР.

Среди участников труда «Эсты и латыши» были упомянутый выше будущий член латышского Сейма и премьер-

¹⁰ «Издательская комиссия» — это подпись под предисловием к сборнику. Как явствует из процитированного выше уведомления [Kaelas], в нее входили деятели Московского общества эстонских студентов, деятели латышской и эстонской московской диаспоры.

¹¹ Она явилась русской версией его эстонской работы [Ruubel 1914]. Ср. также более позднюю его книгу: [Ruubel 1920].

министр Латвии статистик Маргерс Скуиениекс (Скуенек в русской огласовке; 1886–1941), расстрелянный коммунистами, и латышский революционер, историк Карл Иванович Ландер (1883–1937), член компартии с 1905 г., занимавший потом в Советской России крупные должности¹². С ним соседствуют позднее погибший в сталинском лагере Рейн (Роман) Элиасер (Rein Eliaser, 1885–1941)¹³ и член кадетской партии, гласный Петроградской городской думы адвокат Эммануил Абрамович Дубос(с)арский (1879–1920, расстрелян большевиками в Керчи)¹⁴. Рядом с русским педагогом из Риги Сергеем Алексеевичем Золотаревым¹⁵ находим великого лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), коллегу редактора сборника по Петроградскому университету¹⁶.

¹² Ему принадлежат в сборнике две статьи: «Очерк развития аграрного строя Латвии и Эстонии» и «Латышская интеллигенция и ее социальные стремления». Они продолжали его работы о Прибалтийском крае в многотомной «Истории России в XIX веке» (СПб., 1906–1907).

¹³ Рейн Элиасер — выпускник Рижской духовной семинарии, учился на юридическом факультете Казанского университета, окончил Тартуский университет в 1910 г., адвокат, член Эстонского парламента в 1931–37 гг. [Eliaser-50]. Его статья в сборнике — «Роль дворян в местном самоуправлении Прибалтийского края» — явилась продолжением двух ранее опубликованных на эстонском языке работ: [Eliaser 1911; Eliaser 1914].

¹⁴ Его статья называется «Несколько слов о суде присяжных в Прибалтийском крае».

¹⁵ Ему принадлежит статья «10 лет в Прибалтийской школе». Золотарев был составителем многих хрестоматий по литературе, методических разработок, а также книги «Очерк по истории учительского объединения в России» (Пг., 1915).

¹⁶ Пока нам не удалось установить, кто скрывается под псевдонимом Senex (статья «Латышская народная школа») и кто такой П. Семенов (о статьях Семенова и Бодуэна см. ниже). Автор статьи «Экономические и культурные успехи латышского народа» И. Лапин — это, скорее всего, латышский журналист, писатель и педагог Jānis Eduards Lapiņš (1885–1941), в 1910–1915 гг. учившийся в Московском коммерческом институте, где получил сте-

Через все 12 статей проходит мысль об остзейских немцах как поработителях, угнетателях, которые принесли неисчислимые бедствия эстонцам и латышам, но которые вредны также и России, ее интересам. Любопытно, как антинемецкая риторика не просто конструирует образ врага, но и умело эксплуатирует концепт лояльности: остзейцы — сепаратисты, а эстонцы и латыши — верные сыны России. Понятно, что такая позиция была рассчитана на подцензурные условия военного времени, на правительственные и националистические круги России. Поэтому в предисловии упор делается на лояльности русскому народу и на устранении всякой мысли о сепаратизме (которая в самой книге звучит более чем явственно). Вот цитата из предисловия: «Сепаратисты в крае не эсты и латыши, а кучка всесильных магнатов, держащих страну в сетях обмана и своеволия» [Эсты: VIII]. И тут издатели с удовольствием ссылаются на публицистов «Нового времени» и вполне солидаризируются с их антинемецкой риторикой, махровой шпиономанией и поиском врагов, а на другие органы русской печати, которые пытались остановить эту разнузданную травлю прибалтийских немцев, даже обижаются, возмущаясь защитой «баронов». Цель такова: русские должны понять, кто им «свой»¹⁷, а кто «чужие». В ход была пущена и вполне тра-

пень кандидата экономики, и в 1914–15 гг. изучавший литературу в народном университете Шанявского. В 1917 г. стал одним из основателей Национально-демократической партии, в 1917–18 гг. — членом Земского совета и Временного правительства Латвии. В 1920–30-е гг. — крупный общественный и политический деятель Латвийской Республики. Сердечно благодарю Л. Спроге и Б. Равдина за ценные консультации.

¹⁷ Согласно предисловию, латыши вообще оказываются почти славянами, и утверждается это со ссылками на научные данные. Приведем цитату, чтобы была очевидна система смысловых сдвигов, к которым прибегают авторы для достижения своих целей: «Гораздо больше сродства в этнографическом отношении у нас (латышей) с самими русскими. Латыши — племя литовское, довольно близкое к полякам, и входящее в состав так называемых балтийских славян. Проф. Поржезинский на основании филоло-

диционная ура-патриотическая риторика военного времени: «Эсты и латыши счастливы и горды сознанием, что настоящая ужасная и кровавая война дала им возможность <...> на боевом фронте стать плечом к плечу с русскими героями против своих врагов и поработителей — немцев» [Эсты: XI–XII]. Бороться же с немцами за свою национальную самобытность эсты и латыши обещают «при помощи русских и русской культуры» [Там же: XI]. Конечно, это была риторика¹⁸, и характерно, что предисловие было резко осуждено рецензентом, который назвал его «уродом» [Laaman 1916]¹⁹.

Однако пробавляться только ура-патриотической риторикой в духе «Нового времени» было не очень перспективно, поэтому она была использована в предисловии, а в дальней-

гических данных сближает их еще больше: он говорит об общем *балтийско-славянском* праязыке, из которого вышел и язык латышский, частнее <sic!> относимый им к группе балтийских языков (не-германских)» [Эсты: X]. Такой конъюнктурный подход был осужден эстонским рецензентом, полагавшим, что неразборчивость в средствах может только подорвать авторитет издания [Laaman 1916].

¹⁸ Нельзя не согласиться с Т. Карьяхярмом, который, приведя несколько весьма выразительных ура-патриотических высказываний эстонских газет 1914–15 гг. в поддержку победы русского оружия, заметил, что это была «скорее тактика, чем внутреннее убеждение» [Karjahärm 1998: 205]. Однако некий отсвет реальности на ней все же был. Карьяхярм приводит данные о большом числе эстонских *добровольцев*, отправлявшихся на фронт, и пишет об отличии между антирусской и прогерманской позицией финнов и прорусской ориентацией эстонцев, совсем не желавших победы Германии.

¹⁹ Автор рецензии — Эдуард Лааман (1888–1941), крупный эстонский журналист, общественный и политический деятель. Учился на юридическом факультете Петербургского университета в 1908–1912, был членом Петербургского общества эстонских студентов. Принимал активное участие в становлении Эстонской Республики (секретарь Временного правительства Эстонии в 1918 г.). Был пресс-атташе посольств Эстонии в Лондоне и в Москве. Расстрелян в Кировской тюрьме.

шем тексте редуцирована. Гораздо больший отклик могла найти у русского читателя мысль о несправедливости, угнетении, тотальном подавлении немцами коренных народов. Эта мысль нашла самое яркое отражение в статье М. А. Рейснера «Немцы и балтийская культура». Пером опытного публициста развенчивает он миф о культуртрегерской роли остзейцев в Прибалтийском крае, а также в России в целом, и полемически откликается на выпады германских националистов и опровергает также их мифы²⁰. По мысли Рейснера, остзейцы заботились лишь о своих выгодах, поэтому готовы были отдаться даже Ивану Грозному: «И если бы Атилла согласился подтвердить их привилегии, они признали бы его своим высшим суверенным господином» [Эсты: 28]. Эти законченные крепостники были готовы, как считает автор, «одинаково служить и польскому Сигизмунду, и русскому Петру» [Там же: 45], лишь бы те защищали их интересы.

Характерно, что пафос статьи был тут же поддержан строгим рецензентом:

Прибалтийские немцы, которые считают себя форпостами немецкой культуры, на самом деле на каждом шагу попирают немецкую культуру во имя своих сословных интересов. Если бы завоеватели Прибалтики действительно несли немецкую культуру, как это любят утверждать их историки в последнее время, то к настоящему моменту не сохранилось бы и следов эстонского и латышского народов — они давно и с легкостью были бы онемечены. Только узкая немецкая сословная политика и групповая отгороженность позволили коренным народам сохраниться — чудесный пример того, как у плохого явления могут иметься и положительные последствия [Laaman 1916].

Лааман и другие эстонские рецензенты с удовольствием отмечали, что под пером русских авторов сборника антинемецкие (как и анти-русификаторские) выпады звучат гораздо бо-

²⁰ Материалы упоминавшейся выше статьи историка И. Киверика об антирусских немецких изданиях [Киверик] подтверждают адекватность изложения Рейснера (см. также: [Виграб]).

лее убедительно и отводят подозрения «в националистических преувеличениях со стороны коренных народов».

Наряду с яркой антинемецкой риторикой в сборнике присутствует и критика действий русской власти в Прибалтийском крае. Иногда она звучит приглушенно, а иногда и очень отчетливо. Например, тот же Рейснер пишет о «поистине варварском нашествии русских полчищ» на Лифляндию в XVI в. [Эсты: 28], о «страшном опустошении Лифляндии, сопровождавшемся безмерным грабежом и свирепостью» при Петре [Там же: 28–29], о «полуазиатском владычестве русских в XVIII в.» [Там же: 39]. Его вывод: именно русская власть обеспечила немцам подлинное владычество в крае и полностью подчинила им местные народы.

Критика русской политики имела двойную направленность: это было обращение к оппозиционному русскому общественному мнению, в котором она могла найти отклик, но и к либеральным кругам в правительстве, которые должны были проникнуться сознанием вины и ускорить давно ожидаемые реформы в крае.

Однако инициаторы издания понимали, что добиться желаемых ими результатов (что составляло главную цель сборника) лишь на основе негативной риторики невозможно. Поэтому был включен еще один важный механизм — *риторика успеха*, т.е. демонстрация достижений коренных народов. Вот что пишет, например, П. Семенов об эстонцах в статье «Эсты. Культурно-исторический очерк»:

Сопоставим первую половину XIX столетия и современность в жизни эстов — глазам не верится, какая произошла здесь перемена. Тогда перед нами несчастный, приниженный раб, лишенный благ материальных и духовных, ныне — молодая, крепкая нация, смело и твердо подвигающаяся по пути самоопределения, несмотря на все препятствия [Там же: 162–163].

Далее в этой статье и в других перечисляются достижения: хорошие урожаи, получаемые крестьянами благодаря использованию передовых методов и сельхозмашин, рост уровня жизни и образованности. Грамотность традиционно высока,

издается 40 газет и журналов, число студентов-эстонцев в университетах достигло 800, растет городское эстонское население, а также число эстонских учителей, адвокатов, инженеров, чиновников и пр. [Эсты: 164–166] (ср. с наблюдениями современных историков)²¹. Приведен и очерк развития «высокой» эстонской культуры, в том числе деятельности группировки “Noor-Eesti” [Там же: 170].

Итак, авторы сборника не только приводили примеры несчастий и унижений, не только клеймили врагов и осуждали близорукую политику русского правительства в остзейском вопросе, но показывали, что империя будет иметь гораздо меньше проблем, если пойдет навстречу национальным чаяниям коренных народов балтийских провинций.

Посмотрим теперь более внимательно, как эта концепция была воспринята и отрефлектирована в эстонских газетах того времени, издававшихся как в Эстонии, так и в столице империи. Речь пойдет об уже упоминавшихся статьях в знаменитом тартуском «Почтальоне» (Postimees), в петроградском «Столичном вестнике» (Pealinna Teataja) и в «Таллиннском Вестнике» (Tallinna Teataja). Важно, что, как и сам сборник, эти статьи сочетают взгляд *извне* (из Петербурга и Москвы) и *изнутри* (пишут эстонцы, для которых все, о чем говорится, составляет кровный интерес)²².

²¹ При всей болезненности проводившаяся в конце XIX – начале XX вв. политика русификации имела результатом усвоение государственного языка, что открывало гораздо более широкие возможности для получения образования, а также для карьеры. Историки пишут о стремительном росте с конца XIX в. числа чиновников-эстонцев на государственной службе [Миллер 2008: 63–64]. Т. Таннберг продемонстрировал, как стремительно росла численность кадровых офицеров-эстонцев в российской армии — осенью 1917 г. их было около 3 тыс., что составляло 1,2% всего офицерского состава [Таннберг: 138]. Такой перечень возможностей, умело «схваченных» в рамках лояльности, можно было бы продолжить.

²² Характерно при этом, что в письме из Москвы А. Каэлас (см. ниже), возможно, имевший непосредственное отношение к изда-

Еще до выхода книги в тартуской газете развивалась мысль о том, что эстонцы должны работать над созданием выгодного имиджа своей нации и культуры в России, особенно в среде русского образованного общества. Для финансирования подобной широкомасштабной работы предлагалось даже создать специальный фонд — «Капитал для ознакомления с Эстонией» при Эстонском литературном обществе (см.: [Eesti]). Поэтому уже в первой статье, где давалась предварительная информация о сборнике, подчеркивалось, что «Эсты и латыши» — первая ласточка, которая поможет преодолеть бытующие в русском обществе предрассудки относительно эстонцев и латышей, облик которых в глазах русского правительства и общества искажили остзейцы. Второй важный момент — надежда на то, что издание поможет продвижению реформ в крае [Kaelas²³]. Исходя из этого, и в данной статье, и в последующих рецензиях книга оценивалась положительно.

нию, в предуведомлении для эстонских читателей группирует авторов сборника по национальному признаку: эстонцы, латыши, русские и другие (М. Рейснер и Бодуэн де Куртенэ). В рецензии Лаамана деление дается не столько по национальному признаку (хотя сказано, что русские статьи — самые острые), сколько по политической ориентации: «В статьях латышей иногда очень видно, что они — чистой воды марксисты. Проф. Рейснера считают если не совсем красным, то розовым. И деятели эстонской московской комиссии, сколько мы о них знаем, не правее кадетов» [Laaman 1916].

²³ Александр Казлас (1880–1920) — выдающийся эстонский православный богослов, философ и психолог. Выпускник Рижской духовной семинарии (1901), Московской духовной академии (1905) и Московского университета (1911), член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., приват-доцент Московского (1914–1919) и Иркутского (1919–1920) университетов. В 1919 г. заочно избран профессором философии Тартуского университета и кандидатом на кафедру правящего архиерея Эстонской Православной Церкви — епископа Таллиннского и Эстонского (после мученической кончины первого эстонского епископа Платона). Занять ни одну из этих должностей ему не было суждено — он скончался в Иркутске от тифа.

Итак, и содержание сборника, и его целевые установки были восприняты хорошо. Однако, пожалуй, более интересна содержавшиеся в рецензиях критика и соображения общего характера.

«Столичный вестник» видит главный недостаток в отсутствии в книге «Эсты и латыши» капитальных работ, в малом внимании к современному состоянию местного самоуправления, к событиям 1905 года. Когда рецензент пишет: «Поскольку эта книга выросла из потребностей жизни и ставит перед собой практические цели, то ее содержание достаточно легко-весно и поверхностно» [Rets.], — он как будто учитывает прагматику издания, но для него это не является оправданием. Он думает, в первую очередь, об эстонском читателе, поэтому выделяет статью М. Рейснера и особенно рекомендует ознакомиться с материалами о соседях — латышах. Имеются и элементы национальной самокритики: мы уже цитировали вывод рецензента о том, что предрассудки относительно коренных народов возникают из-за того, что они сами, в поисках выгодного места во внутренних губерниях России, выдают себя за немцев или за родственные им народы.

Самая интересная и концептуальная рецензия написана Эдуардом Лааманом. Он тоже отмечает «конспективный характер» статей об эстах и латышах и уделяет главное внимание статьям об Эстонии и эстонцах. И все же, кроме статей Рейснера, Элиасера, Руубеля, речь идет и о работах Ландера, Лапина, Золотарева. Однако самое существенное в его рецензии — это выстраивание идеологического контекста, исходя из проблем и недочетов национального строительства. Здесь и отмеченная рецензентом «скромность» эстонских и латышских авторов по сравнению с русскими, и косвенный призыв не упиваться собственными достижениями, в частности, положительной статистикой:

Преподнесенные в цифрах, достижения латышской культуры могут вызвать зависть в большой России: примерно 1000 обществ и сообществ, пресса, где только одной газеты печатается 90.000–100.000 экз., литературной продукции издается 2–10.000 экз. и т.п.

Однако это лишь внешняя сторона культуры и всего только начало [Laaman 1916].

Э. Лааман считает, что национальная пресса еще далека от «народности»:

Подобно тому, как большая российская печать вертится вокруг политических интриг и пустяков, оставляя почти без внимания глубинную жизнь государства, так и из жизни родины наша пресса освещает только общества, сообщества, праздники, опять праздники, сообщества, общества, иногда какой-нибудь несчастный случай или преступление, — действительно, порой по письму зарубежного корреспондента в столичную газету можно получить гораздо более живое представление о жизни во Франции и в Англии, чем по нашей печати о нашей родине [Там же].

Рецензент высоко ставит сборник «Эсты и латыши» в первую очередь за то, что поднятые там вопросы и их трактовка дают иной масштаб местным реалиям. Книга для него — это зеркало, которое призвано дать новое отражение прибалтийской ситуации не только русскому обществу в большой России, но и самим коренным народам, которые должны взглянуть на себя в новом ракурсе. Поэтому в своей рецензии Лааман подчеркивает, что книга позволит эстонцам больше узнать о себе — не из фактов (которые им известны), а из-за их неожиданной трактовки: «Такие обзоры нашего положения, сделанные для чужих, придают им более глубокую перспективу, которая позволяет сделать неожиданные наблюдения, замечания и выводы» [Там же]. Одну из опасностей для местного национального движения автор усматривает в узости взгляда, в разобщенности, в постоянных спорах и полемиках. Так, он замечает о работе Ландера:

Когда читаешь статью, невольно закрадывается мысль: не потому ли у нас, малых народов, так много трений и споров, что мы почти совсем не знаем жизни и опыта друг друга? И у больших народов почти такие же малопродуктивные «провинциальные» трения, но там общий большой масштаб помогает ощутить разницу между пустяками и важными вещами. В жизни малых народов тоже много общего и всеобщего, но опыт каждого остается в его собственных узких границах, среди провинциалов нет лидера, ко-

торый бы собрал и обобщил опыт отдельных членов общины [Laaman 1916].

Лааман ставит перед своими читателями ответственные задачи: «Сейчас народы большой России делают только первые шаги к тому, чтобы ознакомиться с собой друг друга. Нужно идти гораздо дальше. Знакомство должно вылиться в контакты, в дружеское сотрудничество, совместную деятельность народов» [Там же].

Пафос рецензии далеко выходит за пределы рядового обзора книжной новинки. И здесь автор перекликается с точкой зрения, высказанной в сборнике «Эсты и латыши» в замечательной статье И. А. Бодуэна де Куртенэ «Дерпт — Юрьев: (К вопросу о «равноправии»)», которая удивительным образом в обзоре Лаамана не упомянута.

Кажется, будто Бодуэн повествует о частном случае — о праздновании столетия Императорского Юрьевского университета, когда все местные приветственные речи (даже немцами) произносились на русском языке. Только профессор Шмурло решился сказать фразу по-немецки, а проф. Блауберг из Одессы процитировал по-немецки стихотворение. Разумеется, Бодуэн, профессор Петербургского университета, сказал свою речь по-немецки, что вызвало слезы умиления и восторг у присутствующих — не только немцев, но и русских. Он поясняет свой жест стремлением разорвать порочный круг.

Бодуэн вспоминает, что в бытность его в Дерпте²⁴, пока университет был Дерптским и власть находилась в руках немцев, его тогдашние коллеги — немецкие профессора — презирали эстонцев, а студенты «позволяли себе иногда грубые выходы, прямо оскорбительные для эстонского населения» [Эсты: 261]. Бодуэн рассказывает, что тогда лекторы латышского и эстонского языков получали жалованье на уровне надзирателя (педеля) — на треть меньше, чем лекторы западноевропейских языков. Ходатайство Бодуэна об увеличении жалованья лектору эстонского языка Михкелю Веске, которого он

²⁴ И. А. Бодуэн де Куртенэ был профессором Дерптского университета с 1883 по 1893 гг.

аттестует как большого ученого и первоклассного финноугроведа, совет забаллотировал. Дело кончилось отъездом Веске в Казань, где он получил место профессора. В новых же условиях русификации, когда университет сделался Юрьевским, уже немцы испытали на себе гнет официальной языковой политики.

Призыв Бодуэна — отказаться от языкового фанатизма, соблюдать безусловную терпимость и равноправие. Прочитируем отрывок из его немецкой речи 1902 г., которую он приводит в статье в переводе на русский:

Как в голове одного человека, точно так же в любой стране могло бы несколько языков уживаться рядом спокойно и дружно и относиться друг к другу с полной терпимостью. В здешнем крае, рядом с государственным языком, <...> рядом с языком великих *русских* мыслителей и поэтов, должны бы, по историческим и этнографическим соображениям, пользоваться полною равноправностью еще три следующих языка: язык *немецкий*, не немецкий язык гонителей и притеснителей, но немецкий язык ученых и художников, да кроме того языки *эстонский* и *латышский* [Эсты: 270].

Бодуэн де Куртенэ (поляк и потомок французских королей, русский профессор и борец за самостоятельность Польши, а в Польской Республике — борец за права национальных меньшинств, в том числе, русского) пишет о том, что единственный путь разрешения национального вопроса «сводится именно к проведению в жизнь полного равноправия как отдельных лиц, так и всевозможных человеческих коллективов и к полному прекращению гонения людей за одно их происхождение» [Там же: 261].

Такая позиция во все времена требует высокого нравственного и культурного уровня, и то, что она прозвучала в книге «Эсты и латыши», достойно быть отмеченным особо.

Итак, Первая мировая война — канун образования независимых национальных государств Эстонии и Латвии — период, когда эстонское и латышское национальное строительство вступило в решающую фазу. И поэтому нам казалось особенно

важным рассмотреть стратегию участников движения, а также избранную ими тактику для достижения своей цели, которая и была в конце концов достигнута. 12 апреля 1917 г. была образована отдельная административная единица по этно-территориальному принципу — Эстонская губерния, управляемая местным парламентом, избранным прямым голосованием жителей, и исполнительным органом — Земским советом (*Eesti-maa Kubermangu Ajutine Maapäikogu*). Совет этот и провозгласил независимость Эстонской Республики 24.02.1918 г., хотя еще на рубеже 1917–18 гг., по данным Т. Карьяхярма, многие эстонские лидеры сомневались в возможности самостоятельного существования такого маленького государства, как Эстония [Kaajahärm 2007: 198–199].

Империя же не была в состоянии перестроиться. Имперский дискурс оказался сильнее инстинкта самосохранения. Могла ли история повернуться по-другому? Если говорить не об абстрактных возможностях, а о конкретно-исторических обстоятельствах, то нет. Об этом свидетельствует и опыт Австро-Венгерской империи, гораздо более либеральной в национальном вопросе, и судьба белого движения в России (см.: [Кукушкина]). Парадоксальным образом, империя оказалась гораздо более благоприятным пространством для национального строительства, чем для сохранения собственного существования.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева: *Андреева Н. С.* «Остзейский вопрос» и Первая мировая война // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.
- Андерсон: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Брюггеманн 2002: *Брюггеманн К.* От сословного общества к национальной независимости (1820–1920) // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002.
- Брюггеманн 2006: *Брюггеманн К.* Эстонцы в русских этнографических описаниях конца XIX века // Acta et commentationes collegii Narvoensis VI. Narva, 2006.

- Виграб: *Виграб Г. И.* Прибалтийские немцы. Их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев, 1916.
- Западные окраины: Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- Исаков: *Исаков С. Г.* Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1961. Вып. 107.
- Карьяярм 2002: *Карьяярм Т.* Попытки реформ местного строя в Прибалтике в 1914–1916 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.
- Киверик: *Киверик И.* Стереотипы и представления остзейских немцев о русских и России в период государственных реформ: от Александра II до Первой мировой войны // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narvoensis*, II. Narva, 2007. (Ethnic Images and Stereotypes — Where is the Border? Russian-Baltic Cross-Cultural Relations).
- Кукушкина: *Кукушкина И. А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости прибалтийских государств (1918–1920 гг.) // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 159–185.
- Миллер 2008: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.
- Михайлова: *Михайлова Ю. Л.* Крестьянский вопрос в Прибалтийском крае на страницах российской прессы и публицистики в 40-е – 70-е годы XIX века / Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. ист. н. М., 2008.
- Московское: Московское эстонское общество. Устав Московского эстонского общества. М., 1909.
- Таннберг: *Таннберг Т.-А.* Офицеры-эстонцы в Российской армии: полковник Яак Розенбаум (1871–1925) // Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории. М., 2006.
- Устав: Устав Московского эстонского благотворительного общества. М., 1900.
- Эсты: Эсты и Латыши, их история и быт: Сб. статей под ред. проф. М. А. Рейснера. М., 1916.
- Brüggemann: *Brüggemann Karsten.* An Enemy's "Outpost" or "Our West"? Some Remarks about the Discourse of Russian *Pribaltika* in the Russian Empire and the Soviet Union // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narvoensis*, II. Narva, 2007. P. 81–98.
- Eesti: *Eesti tutvustamine* // *Postimees*. 1915. 17. dets. Nr 291. Lk 2.
- Eliaser 1911: *Eliaser, R.* Baltimaa mõisnikkude maapäevad (Landtag'id) // *Aasta* — 1912. Tallinn, 1911. Lk 1–32.

- Eliaser 1914: *Eliaser, R.* Baltimaa omavalitsuse korralduse katsest XIX. aastasaja esimesel poolel // *Vaba sõna*. 1914. Nr 7/8. Lk 229–233.
- Eliaser-50: 50 a. sünnipäeva ja 25 a. ametiüubelit // *Postimees*. 1935. 27. mai. Nr 143. Lk 7.
- Kaelas: *Kaelas, A.* Eesti tutvustamise asjus // *Postimees*. 1915. 29. dets. Nr 299. Lk 3.
- Karjahärm 1998: *Karjahärm, T.* Ida ja Lääne vahel: Eesti-Vene suhted 1850–1917. Tallinn, 1998.
- Karjahärm 2007: *Karjahärm, T.* The Image of Russia According to Estonian National Movement Leaders (until 1917) // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narvoensis, II*. Narva, 2007.
- Karjahärm-Sirk: *Karjahärm, T., Sirk, V.* Eesti haritlaskonna kujunemine ja ideed. 1850–1917. Tallinn, 1997.
- Rets.: Эсты и Латыши... [retsensioon] // *Pealinna Teataja (Petrograd)*. 1916. 1. mai. Nr 99. Lk 2.
- Laaman 1916: *Laaman, Ed.* Kogutöö Balti pärisrahvastest // *Tallinna Teataja*. 1916. 24. mai. Nr 115. Lk 2.
- Laaman 1920: *Laaman, Ed.* Eesti lahkumine Vene riigist. 1917–1920. Tallinn, 1920.
- Moskva: Moskva Eesti Selts // *Päevaleht*. 1915. 22. dets. Nr 295. Lk 2.
- Ruubel 1914: *Ruubel, P.* Intelligentlikust liikumisest meil // *Vaba sõna*. 1914. Nr 1–12.
- Ruubel 1918: *Ruubel, P.* Noor-Eesti ja poliitika // *Kümme aastat. Noor-Eesti 1905–1915*. Tartu, 1918.
- Ruubel 1920: *Ruubel, P.* Poliitilised ja ühiskondlikud voolud Eestis (Talupojaline väikekodanlik ajajärk 1860–1905). Tallinn, 1920.
- Ruubel-50: Peeter Ruubel 50-aastane // *Postimees*. 1935. 12. oktoober. Nr 278. Lk 6.